

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ

Л.В. Якушев

Современные трансформации теории справедливой войны

Якушев Леонид Викторович – магистрант, философский факультет. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект 27-4, ГСП-1; e-mail: jaleonid@mail.ru

В статье проанализированы два существенных изменения, происходящих в современной теории справедливой войны: частичное оправдание превентивных военных ударов и разработка принципов, регулирующих военные действия с участием негосударственных структур. Существенный вклад в разработку этих проблем был внесен американскими этиками Дэвидом Любаном и Николасом Фоушином. Основная цель данной статьи – реконструировать историко-этический и теоретический контекст исследований данных авторов. Проблема оправданности превентивной войны имеет большую предысторию. Средневековые теологи (и их наследники неосхоласты) признавали превентивную войну заведомо несправедливой. Напротив, многие мыслители Нового Времени считали ее оправданной в силу необходимости поддержания мирового баланса сил. К середине XX в. в политической этике вновь сложился консенсус по поводу недопустимости таких военных действий. Однако некоторые военно-технологические и политические процессы привели к его размыванию и возобновлению дискуссии. Концепция «ограниченной теории» превентивной войны Любэна является ярким примером такого размывания. Похожая ситуация складывается при разрешении конфликтов с участием негосударственных структур. Тезис о невозможности обоснования военных действий со стороны любых негосударственных акторов получил широкое распространение в теории справедливой войны, отражающей реалии Вестфальского международного порядка. Моральное обоснование этого тезиса мы находим у Сэмюэля фон Пуфендорфа и Эмера де Ваттеля. Однако данный подход является избыточно ограничительным, поскольку блокирует использование эффективных средств противодействия репрессивным политическим режимам. Вместе с тем применение принципов справедливой войны к гражданским вооруженным конфликтам ведет к ряду парадоксальных результатов. Выход из ситуации предложил Фоушин: его неклассический вариант теории справедливой войны исключает симметричное применение этих принципов к разным сторонам подобных конфликтов. Тем самым создается система правил, которая позволяет воюющим сторонам разного типа преследовать свои цели, но при этом обеспечивает минимизацию использования вооруженной силы и его последствий.

Ключевые слова: мораль, теория справедливой войны, превентивная война, упреждающий удар, негосударственные субъекты, Дэвид Любэн, Николас Фоушин

Теория справедливой войны – одна из очень важных точек соприкосновения нормативной этики с политической практикой. Эта теория, начавшая формироваться в античности и получившая завершённый вид в эпоху Нового времени, представляет собой первый по времени возникновения и имеющий очень мало аналогов по степени теоретической проработки опыт формализации моральных критериев, регулирующих определённую сферу общественной практики. Именно в ней произошло систематическое оформление нормативной логики «меньшего зла», которая определяет условия ситуативного, вынужденного и мотивированного моральными соображениями нарушения некоторых центральных нравственных запретов¹. Однако примечательность теории справедливой войны состоит не только в том, что она представляет собой своего рода нормативный компас в отношении трагических решений, касающихся вынужденного совершения тех действий, которые нравственный человек всеми силами стремится избежать. Это теория создает один из каналов реального влияния социальной этики на политические процессы. Дело в том, что некоторые ее требования и концепты (в особенности концепт «правое дело») глубоко укоренены как в общераспространённых моральных представлениях, так и в современном политическом дискурсе. Соответственно, на основе апелляции к теории справедливой войны политики могут быть уличены в некорректном использовании критериев, к которым они сами апеллируют в своей риторике. Это служит основой для подрыва их популярности и способствует протестной мобилизации граждан против решений, не отвечающих нравственным принципам.

Как целостный набор критериев, резко ограничивающих возможности государств использовать вооружённую силу, теория справедливой войны включает в себя два вида принципов. Одни определяют допустимость начала военных действий (*jus ad bellum*), другие устанавливают приемлемые с моральной точки зрения способы их ведения (*jus in bello*). Суверенное национальное государство может обоснованно вступить в войну только в том случае, если 1) решение об этом принимается легитимной властью, 2) вооружённая сила используется ради защиты правого дела, 3) ее применение определяется добрыми намерениями, 4) военный способ разрешения конфликта оказывается в данной ситуации крайним средством, 5) имеет место существенная вероятность успеха, 6) возможные потери соразмерны достигаемым результатам. Уже начавшиеся военные действия должны соответствовать принципам различия между комбатантами и некомбатантами и соразмерности потерь достигаемым результатам в отдельных военных операциях. Перечисленные принципы имеют в рамках теории справедливой войны комплементарный характер, то есть военные действия получают моральную санкцию только в случае их соответствия всем требованиям сразу².

На настоящий момент теория справедливой войны – это не отлитая в бронзе и застывшая нормативная система (доктрина), а продолжающаяся развиваться область этических исследований. Направления ее современной трансформа-

¹ Прокофьев А.В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль. 2009. Вып. 9. С. 122–145.

² См.: Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры / Ред.: Б. Коппитерс, Н. Фоушин, Р. Агресян. М., 2002. См. также более подробный, чем в данной статье, обзор принципов: Фоушин Н. Две теории справедливой войны // Наст. изд. С. 169–186.

ции различны. Одно касается вопросов обоснования ее требований (в этом смысле показателен спор о квалификации справедливой войны как самообороны коллективного субъекта или как коллективной самообороны индивидов). Другое направление связано с решением частных нормативных вопросов. Некоторые из этих вопросов касаются уточнения общего содержания какого-то из принципов (пример – спор о симметричном или асимметричном моральном статусе солдат, участвующих в справедливой и несправедливой войне). Другие вопросы возникают в связи с необходимостью применять принципы справедливой войны к военным конфликтам особого типа (примеры – проблема гуманитарных интервенций, проблема превентивной войны, проблема войны с участием негосударственных субъектов). В этот номер «Этической мысли» вошли русские переводы двух исследований, расширяющих пространство теории справедливой войны именно за счет обсуждения критериев оценки особых военных конфликтов. Оба они принадлежат крупнейшим фигурам в современной американской политической этике – Дэвиду Любэну и Николасу Фоушину. В своей вводной статье я хотел бы кратко охарактеризовать историко-этический и теоретический контекст этих работ.

Проблема моральной оправданности превентивной войны

Под превентивной войной понимается такая война, которая преследует цель предотвращения возможного нападения противника с помощью нанесения удара по нему в тот момент, когда он лишь начинает наращивать военную мощь и тем самым нарушать сложившийся баланс сил. Ее принято отличать от упреждающих военных действий, которые ведутся в ответ на непосредственную угрозу начала войны противником, который уже принял решение о нападении и привел свои войска в боевую готовность. Исторически представления о моральной оправданности превентивной войны коренятся в римской философско-правовой и юридической традиции. Однако в средневековой моральной теологии, сыгравшей важную роль в развитии теории справедливой войны, эта идея не имела распространения. Если судить по откликам на разные конкретные ситуации вступления в войну, Блаженный Августин одобряет лишь упреждающие военные действия³. То же самое можно сказать и о Фоме Аквинском, представления которого о правом деле не оставляли места для превентивной войны. Комментаторы канонического права, находясь в русле этих же представлений, обсуждают исключительно упреждающие случаи самообороны⁴. Только с началом эпохи Нового времени и в связи с формированием представлений о благотворности баланса сил, ведущего к мирному сосуществованию противостоящих друг другу государств, тезис об оправданности превентивной войны оказывается возрожден.

Одним из первых мыслителей, которые прямо поддержали идею использования превентивных мер, был оксфордский юрист XVI в. Альберико Джентили. Для него превентивная война являлась вполне легитимным способом

³ *Smith J.W.* Augustine and the Limits of Preemptive and Preventive War // *Journal of Religious Ethics*. 2007. Vol. 35. No. 1. P. 141–162.

⁴ *Reichberg G.M.* Preventive War in Classical Just War // *Theory Journal of the History of International Law*. 2007. Vol. 9. No. 1. P. 5–34.

защиты от возможного будущего нападения. Ожидание реального удара со стороны усиливающегося противника он рассматривал как глупость, не имеющую основания в какой-либо нравственной обязанности, а следование разумным опасениям (страху) – требованием справедливости. Однако одного факта усиления какого-то из государств Джентили считал недостаточным для оправдания войны против него. Такое усиление должно сопровождаться какими-то признаками агрессивных намерений⁵. Гуго Гроций прямо критиковал позицию Джентили о справедливости применения вооруженной силы, продиктованного страхом нападения и направленного на ослабление военных возможностей усиливающегося противника. В этой связи его часто характеризуют как противника превентивной войны. Однако замечание Гроция о том, что в межгосударственных отношениях упреждение агрессивных действий приобретает глубокую временную перспективу, ставит голландского мыслителя на грань одобрения некоторых мер, которые в современной теории справедливой войны считались бы превентивными⁶. Швейцарский юрист и дипломат Эмер де Ваттель в целом возвратился к позиции Джентили. Нации, по его мнению, имеют право на самосохранение, а его реализация требует постоянного устранения множества внешних угроз. Правители наций просто не могут не руководствоваться многочисленными опасениями и страхами, связанными с усилением соседей. И хотя само по себе резкое усиление кого-то из них не является справедливым основанием для начала против него войны, в сочетании с другими обстоятельствами оно может сыграть именно эту роль. Дополнительные обстоятельства таковы: способность противника устранить само существование другого государства, наличие у него таких намерений и присутствие в его прошлом явных признаков «несправедливости, жадности, гордости, честолюбия и надменного желания повелевать»⁷.

История этической мысли, международного права и политической риторики XIX – первой половины XX вв. дает образцы как остро критического, так и весьма положительного отношения к превентивной войне. С одной стороны, именно в этот период в международном праве оформляется так называемая вебстерианская парадигма понимания самообороны государств, которая предполагает, что вторжение на территорию другого государства и наступательная война против него оправданы только в том случае, если имеется неминуемая угроза нападения (не оставляющая ни времени на раздумья, ни возможности выбора средств противостояния ей)⁸. Она находит свое выражение в документах Лиги Наций и некоторых последующих международных соглашениях (например, пакте Бриана-Келлога (1928)). В рамках подобного подхода превентивная война оказывалась абсолютно нелегитимной. Однако, с другой стороны, многочисленные политические решения этого периода и их публичное обоснование были пронизаны идеей допустимости или даже обязательности ведения превентивных войн ради защиты интересов нации. В некоторых случа-

⁵ Reichberg G.M. Preventive War in Classical Just War. P. 5–34.

⁶ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 187–190, 196, 528.

⁷ де Ваттель Э. Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960. С. 448.

⁸ См.: Crawford N.C. The False Promise of Preventive War: The 'New Security Consensus' and a More Insecure World // Preemption: Military Action and Moral Justification / Ed. by H. Shue, D. Rodin. N. Y., 2007. P. 119.

ях поддерживающая превентивную войну риторика строилась исключительно на основе политического реализма, в некоторых – на основе апелляций к идее справедливости⁹. Однозначный консенсус вокруг недопустимости превентивных войн сложился только после завершения Второй мировой войны. Его воплощением стал ООНовский международно-правовой режим, предполагающий, что война является оправданной только в том случае, если она представляет собой реализацию права на самооборону, а границы этого права определяются отпором прямым агрессивным действиям другого государства.

Образцовым способом защиты этого режима является позиция Майкла Уолцера, представленная в работе «Войны справедливые и несправедливые: моральная аргументация с историческими иллюстрациями». Она опирается на модель, которую сам Уолцер назвал Легалистской парадигмой. Она включает следующие положения: международное сообщество состоит из государств, каждое из которых обладает неотъемлемым правом на сохранение своей территориальной целостности и политического суверенитета; любое нарушение этого права является агрессией и, следовательно, преступлением; правомерными ответами на агрессию являются оборонительная война (ее ведет жертва агрессии) и война в порядке охраны правопорядка (ее ведет либо жертва агрессии, либо другие стороны); иных обоснований военных действий, кроме ответа на агрессию, не существует¹⁰. Упреждающие удары легко укладываются в эту модель за счет ее минимальной модификации. Превентивная война, напротив, оказывается недопустимой, поскольку она нарушает права государств ради такой сомнительной и совсем не тождественной мирному сосуществованию ценности, как международный баланс сил.

Однако на рубеже XX–XXI вв. выяснилось, что вопрос о моральной оправданности превентивной войны совсем не закрыт. Причины возобновления интереса к нему вполне понятны – это изменение темпоральных характеристик военных действий и расширение числа конфликтов, в которых участвует сторона, не имеющая собственной государственной территории и не несущая ответственности за собственное гражданское население. Молниеносное поражающее действие, свойственное современным вооружениям, в сочетании с их разрушительной силой оставляет все меньше возможностей для ожидания инициативных действий противника. К сетевой политической организации, в особенности если она обладает оружием массового поражения, вряд ли могут применяться те же критерии справедливой войны, что и к традиционному территориальному государству. Ее практически не сдерживают соображения неприемлемого ущерба, поэтому превентивный удар может оказаться единственным способом обеспечения безопасности противостоящего ей государства. Не удивительно, что превентивная война постепенно стала возвращаться в политический дискурс, в систему стратегического военного планирования и даже формальные военные доктрины ведущих государств (самый яркий пример – «доктрина 1 %» вице-президента США Р. Чейни). Социальные этики и политические философы анализируют оправданность данной тенденции и пытаются установить ее пределы.

⁹ Описание истории «мышления в категориях превентивной войны» в этот период см.: *Strachan H. Preemption and Prevention in Historical Perspective // Preemption: Military Action and Moral Justification. P. 23–39.*

¹⁰ *Walzer M. Just and Unjust Wars: a Moral Argument with Historical Illustrations. N. Y., 1977. P. 61–62.*

Одна из центральных фигур в этом процессе – американский социальный этик и философ права Д. Любэн. Теоретическая перспектива, в которой он обсуждает феномен превентивной войны, является в целом консеквенциалистской, но учитывающей при этом многочисленные недостатки нормативной этики, ориентированной на учет последствий. В качестве первого шага Любэн предлагает три аргумента, которые заставляют отбросить так называемую «общую теорию» превентивной войны, то есть безоговорочное включение применения вооруженной силы против усиливающегося в военном отношении соперника в число войн, соответствующих принципу правого дела. По мнению Любэна, общая теория 1) опасным образом расширяет категорию допустимых войн, превращая войну в элемент обычной политики, 2) включает в эту категорию те ситуации, в которых поведение акторов определяется иррациональными оценками рисков и отражает разумные разногласия по вопросам ценностей, 3) превращает соперничающие государства в законный объект превентивных военных действий друг для друга, раскручивая тем самым спираль взаимных подозрений и агрессивности. Однако Любэн полагает, что существует ряд случаев-исключений, которые заставляют теоретиков разрабатывать «ограниченную теорию» превентивной войны. Эти случаи касаются прежде всего реакции на военные приготовления государств-изгоев. В отношении последних исчезает привычная разница между превентивными и упреждающими ударами, поскольку страна-изгой перманентно представляет угрозу безопасности и территориальной целостности других государств. Другой случай касается борьбы с террористическими сетями на территории других государств (правда, лишь в тех случаях, когда существует опасность получения террористами оружия массового уничтожения). При этом во всех случаях-исключениях право на ведение превентивной войны приобретает только то государство, которое является потенциальной жертвой нападения, а не любой член международного сообщества¹¹.

Дискуссия вокруг морального статуса превентивной войны на настоящий момент довольно широка. Ее полноценный обзор мог бы быть реализован лишь в статье иного объема и формата. Если же характеризовать ее вкратце, то возникает следующая картина. В этой дискуссии присутствует группа союзников Любэна – принципиальных сторонников ограниченной превентивной войны. Они акцентируют разные ее стороны. Аллен Бьюкенен обращает внимание на институциональный контекст, в котором превентивная война могла бы быть оправдана. Последний включает в себя механизмы проспективной и ретроспективной ответственности и подотчетности всех инициаторов военных действий перед международным сообществом¹². Рэндэлл Диперт подчеркивает необходимость определения так называемого эпистемологического порога – минимального количества объективной информации о намерениях противника, уровне его подготовки, состоянии военных ресурсов на настоящий момент, позволяющего инициировать превентивную войну¹³.

¹¹ См.: Любэн Д. Превентивная война // Наст. изд. С. 155–168.

¹² См.: Buchanan A. Justifying Preventive War // Preemption: Military Action and Moral Justification / Ed. by H. Shue, D. Rodin. N. Y., 2007. P. 126–142.

¹³ См.: Dipert R.R. Preemptive War and the Epistemological Dimension of the Morality of War // Journal of Military Ethics. 2006. Vol. 5. No. 1. P. 32–54.

Определенная часть теоретиков считает, что абстрактная теоретическая оправданность превентивной войны в исключительных случаях вполне возможна, что можно даже мысленно сконструировать те ситуации, в которых превентивная война была бы войной за правое дело, однако сложно представить себе соответствующие им реальные практические контексты. Генри Шу сравнивает проблему превентивной войны с проблемой морально оправданной пытки: широко обсуждаемый мысленный эксперимент с бомбой с часовым механизмом, скорее всего, позволяет доказать оправданность пытки, но не существует достаточных оснований для использования результатов его обсуждения на уровне критериев принятия решений¹⁴.

Наконец, многие этики и политические философы считают необходимым сохранить тот консенсус в отношении превентивной войны, который сложился во второй половине XX в.¹⁵ Некоторые из них прямо и развернуто полемизируют с Любэном. Так, Дэвид Родин полагает, что в консеквенциалистской перспективе (даже такой взвешенной и рефлексивной, как у Любэна) нельзя ни развенчать общую теорию превентивной войны, ни отстоять ограниченную. Обсуждение превентивной войны на этой основе ведет к очевидному аргументационному тупику. А если взять за точку отсчета деонтологическую альтернативу, опирающуюся на идею самообороны, то справедливая превентивная война является противоречием в понятиях¹⁶.

Критерии оценки военных конфликтов с участием негосударственных субъектов

Проблема статуса воюющих негосударственных образований, то есть таких объединений людей, которые имеют общую идеологию или политическую цель и готовы брать на себя ответственность за свои действия, является еще одним из камней преткновения современной теории справедливой войны. Однако у обсуждения этого вопроса имеется серьезная предыстория. Например, Августин Блаженный полагал, что законной (верховой) властью обладают только те лица или организации, которые действуют в соответствии со Священным Писанием¹⁷. А вот Фома Аквинский придерживался более гибкой позиции. Хотя Аквинат считал, что решающее слово в объявлении войны принадлежит представителям верховной власти – суверенам, он делал важную оговорку. Политическая власть имеет моральную ценность благодаря своей способности обеспечить благо для всех граждан государства, независимо от требований

¹⁴ См.: *Shue H.* What Would a Justified Preventive Military Attack Look Like // *Preemption: military action and moral justification* / Ed. by H. Shue, D. Rodin. P. 222–246.

¹⁵ *Rodin D.* The Problem with Prevention // *Preemption: Military Action and Moral Justification* / Ed. by H. Shue, D. Rodin. P. 143–171; *Crawford N.C.* The False Promise of Preventive War: The ‘New Security Consensus’ and a More Insecure World. P. 89–125; *Uniacke S.* World On Getting One’s Retaliation in First // *Ibid.* P. 69–88. **В российской этике подобный тезис отстаивал А.В. Прокофьев** (см.: *Прокофьев А.В.* Риск и предосторожность в политической этике // *Политико-философский ежегодник.* 2012. Вып. 5. С. 49–68).

¹⁶ См.: *Rodin D.* The Problem with Prevention. P. 143–170.

¹⁷ См.: *O’Driscoll C.* From Versailles to 9/11: Non-state Actors and Just War in the Twentieth Century // *Ethics, Authority, and War. Non-state Actors and the Just War Tradition* / Ed. by B.J. Steele, E.A. Heinze. N. Y., 2009. P. 23.

Церкви и канонических текстов. И если властные структуры не в состоянии выполнять свои функции, народ имеет полное право «восстать против государственной власти». Данная идея в переводе на язык современной военной и политической этики звучат следующим образом: действия негосударственных образований, выступающих против официальных властей, которые ведут к катастрофическому ухудшению жизни людей, например увеличение налогов, являются морально обоснованными¹⁸.

Гроций считал достаточной причиной начала военных действий случаи ограничения естественных прав человека, которые приводят к нарушению справедливости в обществе. Любой субъект, совершивший подобные преступления, в том числе государство, может быть подвергнут военной атаке со стороны любого политического образования¹⁹. Негосударственные субъекты, таким образом, имеют полное право наравне с государствами объявлять и вести войну в случаях самозащиты, т. е. в соответствии с принципом правого дела²⁰. Данная точка зрения расширяет понятие войны, легитимизируя действия негосударственных объединений с точки зрения морали и права. Тем не менее руководители негосударственных образований не должны забывать, что они несут ответственность за совершенные деяния перед своим населением и представителями государства-противника и в будущем должны быть готовыми принять ответный удар.

Однако в послевестфальский период своего развития теория справедливой войны однозначно сконцентрировалась на войнах государств с государствами. Единственным носителем власти и, как следствие, законным военным субъектом признавалось именно государство. Военные действия иных структур в строгом соответствии с принципом законной власти считались недопустимыми. На протяжении двух последующих веков данный тезис получил развернутое обоснование в категориях морали (ключевыми фигурами в формировании аргументации были Пуфендорф и де Ватель). Теоретическая ситуация стала меняться лишь в последние несколько десятилетий. Можно указать на следующие причины изменений. Во-первых, в политических конфликтах современности резко возросла роль негосударственных объединений, использующих в своей практике методы вооруженной борьбы. Их деятельность представляет собой серьезный источник бедствий войны – гибели и увечья военных и гражданских лиц, разрушение общественной инфраструктуры и т. д. В этой связи определение границ допустимого в действиях организаций, борющихся за свое представление о справедливости, а также – в действиях государств, противостоящих им, оказалось для теории справедливой войны насущной задачей. Во-вторых, во второй половине XX в. сложился международный консенсус вокруг необходимости использовать такой критерий оценки политических решений и институтов, как «соблюдение прав человека». В результате военные конфликты, протекающие внутри государств, стали «видимыми» для международного права и социальной этики. Они больше не могли восприниматься как сугубо внутреннее дело государства, наводящего порядок на своей территории. Для того чтобы оценивать правоту сторон в подоб-

¹⁸ См.: O'Driscoll C. From Versailles to 9/11: Non-state Actors and Just War in the Twentieth Century. P. 24–25.

¹⁹ См. подробнее: Гроций Г. О праве войны и мира. С. 119, 480–495.

²⁰ К числу негосударственных субъектов Г. Гроций относит религиозные и национальные меньшинства, повстанческие отряды, территориальные образования и т. д.

ных конфликтах, приходится проводить корректное и всестороннее расширение принципов межгосударственной войны на войну государств с повстанческими и партизанскими движениями.

Именно это попытался проделать современный американский этик Николас Фоушин. Его неклассический вариант теории справедливой войны (*irregular just war theory*) нацелен на устранение диспропорции принципов классического ее варианта (*regular just war theory*). Негосударственные субъекты, по его мнению, свободны от требований двух принципов: принципа легитимной власти в силу отсутствия законного представителя организации и принципа вероятности успеха по причине ограниченности ресурсов и низкого уровня организованности, что снижает шансы на победу или, вернее, в сочетании с фактором поддержки со стороны населения делает такие шансы неопределенными. Вместе с тем негосударственные структуры несвободны от всех других критериев. Особенно важным Фоушин считает сохранение запрета на поражение невоенных целей, несмотря на то, что негосударственные участники конфликтов редко обладают достаточной силой для систематического прямого противостояния военной машине государства.

Государство, в свою очередь, получает в рамках неклассической теории справедливой войны право начинать военные действия превентивно, что является важной коррекцией принципа правого дела. Она связана с тем, что граница войны и мира в случае гражданского конфликта всегда размыта. Если вооруженное противостояние уже началось, государство вправе атаковать подразделения мятежников, даже если в их ближайшие планы не входит какое-то новое нападение. Другая причина допустимости превентивных военных операций связана с открытостью для ударов мятежников, которые по факту редко придерживаются принципа различия, всей жизненно важной инфраструктуры определенного общества. Это налагает на государство дополнительную ответственность и требует принятия эффективных противодействующих мер. В том же ключе изменяется принцип крайнего средства: предварительное использование невоенных способов решения конфликта часто просто недоступно государству. Переговоры затруднены, а экономические санкции невозможны. Прочие принципы, по мнению Фоушина, сохраняют свою силу и в отношении государства, в том числе принцип различия, несмотря на всю сложность его применения в отношении постоянно мимикрирующих под мирное население мятежников. Из вышесказанного отчетливо видно, что данные изменения «выравнивают» положение сторон: два измененных принципа поддерживают негосударственные субъекты, в то время как два других – государство.

Неклассическая теория справедливой войны сталкивается с рядом критических замечаний, и Фоушин последовательно на них обоснованный ответ. Первое замечание касается целесообразности разделения двух теорий, а также невозможности точного разграничения между сферами их применения. Несмотря на сложность определения четкой границы между двумя доктринами в силу того, что отдельные негосударственные субъекты, политически эволюционируя, начинают функционировать как государства, использование только классического варианта «игнорирует различия между государством и мятежными группами» и, следовательно, возвращает нас к проблеме обоснования действий негосударственных структур, не давая решения.

Второе замечание касается того, что неклассическая теория может показаться излишне попустительской. Однако Фоушин не считает ее таковой. Во-первых, классическая теория также устанавливает расширенные границы допустимого. Примером может послужить обоснование упреждающих, а для некоторых теоретиков и превентивных ударов. Во-вторых, неклассическая теория оправдывает только отдельные превентивные меры государства – так называемые «превентивные удары второго типа», то есть удары, нацеленные на пресечение не первой, а последующих атак противника. Данное условие существенно уменьшает количество случаев, когда превентивные меры применяются обоснованно. В-третьих, так как превентивные удары государства против негосударственных субъектов требуют обоснования со стороны всех принципов теории справедливой войны (а не только принципа правого дела), то они не смогут стать приоритетным средством разрешения проблем, возникающих в ходе гражданских вооруженных конфликтов²¹.

Свой вклад в решение проблемы негосударственных субъектов внес Уолцер. Вместо коррекции основных положений теории справедливой войны он вводит новое понятие, которое изменяет качественные характеристики субъекта военных действий с точки зрения их моральной оценки – «политическое сообщество» – политическое образование, целью существования которого является поддержание и реализация основных прав и потребностей человека. Политическое сообщество «привязано к физическому пространству» – имеет свои границы или ведет деятельность на определенной территории, имеет руководящий состав, который функционирует в соответствии с собственным уставом или законодательством и с единой структурой организации, а также выражает коллективную волю народа²². Основное преимущество политического сообщества заключается в наличии определенного уровня легитимности, который может быть достигнут, если деятельность политических сообществ имеет достаточную причину, например защиту прав человека. Такая формулировка позволяет стереть грань между государствами и отдельными негосударственными субъектами, в число которых входят партизанские отряды, национально-освободительные и сепаратистские движения, и предоставить последним возможность вести военные действия наравне с регулярными армиями. Вместе с тем данная идея налагает запрет на военные действия военизированных организаций, деятельность которых основана на насилии, не нацелена на восстановление справедливости и влечет за собой большое количество людских жертв. Уолцер отмечает, что подобные действия являются признаком «нежизнеспособности политического сообщества и отсутствия в нем легитимных институтов». Любые военные действия, совершаемые таким политическим сообществом, например террористической организацией, признаются незаконными, а основания борьбы – несправедливыми²³.

²¹ См.: Фоушин Н. Две теории справедливой войны // Наст. изд. С. 189–190.

²² См. подробнее: Walzer M. Just and Unjust Wars: a Moral Argument with Historical Illustrations. N. Y., 1977. P. 55–57; The Moral Standing of States: A Response to Four Critics // Philosophy and Public Affairs. 1980. Vol. 9. No. 3. P. 209–229.

²³ См.: Walzer M. Terrorism: A Critique of Excuses // Walzer M. Arguing about War. New Haven, 2004. P. 51–66.

Таким образом, мы видим, что в последние десятилетия теория справедливой войны меняется в связи с влиянием целого ряда теоретических и политических обстоятельств. И это не означает, что нормативные критерии, формулируемые ее сторонниками, подлаживаются под сиюминутные интересы и изменчивые тенденции международной политики. Сама суть прикладной этики (а этика войны является ее неотъемлемой частью) такова, что она отвечает за гибкую и прозрачную контекстуализацию нравственных ценностей применительно к состоянию общественной практики. Она является тем дискуссионным пространством, внутри которого проверяются на прочность и постоянно корректируются центральные нормативные убеждения эпохи.

Список литературы

- Ваттель Э. де.* Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. 720 с.
- Гроций Г.* О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
- Любэн Д.* Превентивная война / Пер. с англ. Л. Якушева // Наст. изд. С. 00–00.
- Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры / Ред.: Б. Коппитерс, Н. Фоушин, Р. Апресян. М.: Гардарика, 2002. 407 с.
- Прокофьев А.В.* Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль. Вып. 9. М., 2009. С. 122–145.
- Прокофьев А.В.* Риск и предосторожность в политической этике // Политико-философский ежегодник. Вып. 5. М., 2012. С. 49–68.
- Фоушин Н.* Две теории справедливой войны / Пер. с англ. О.В. Артемьева // Наст. изд. С. 00–00.
- Buchanan A.* Justifying Preventive War // Preemption: Military Action and Moral Justification / Ed. by H. Shue, D. Rodin. N. Y.: Oxford University Press, 2007. P. 126–142.
- Crawford N.C.* The False Promise of Preventive War: The “New Security Consensus” and a More Insecure World // Preemption: Military Action and Moral Justification / Ed. by H. Shue, D. Rodin. N. Y.: Oxford University Press, 2007. P. 89–125.
- Dipert R.R.* Preemptive War and the Epistemological Dimension of the Morality of War // Journal of Military Ethics. 2006. Vol. 5. No. 1. P. 32–54.
- O’Driscoll C.* From Versailles to 9/11: Non-state Actors and Just War in the Twentieth Century // Ethics, Authority, and War. Non-state Actors and the Just War Tradition / Ed. by B.J. Steele, E.A. Heinze. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009. P. 21–45.
- Reichberg G.M.* Preventive War in Classical Just War // Theory Journal of the History of International Law. 2007. Vol. 9. No. 1. P. 5–34.
- Rodin D.* The Problem with Prevention // Preemption: Military Action and Moral Justification / Ed. by H. Shue, D. Rodin. N. Y.: Oxford University Press, 2007. P. 143–170.
- Shue H.* What Would a Justified Preventive Military Attack Look Like // Preemption: Military Action and Moral Justification / Ed. by H. Shue, D. Rodin. N. Y.: Oxford University Press, 2007. P. 222–246.
- Smith J.W.* Augustine and the Limits of Preemptive and Preventive War // Journal of Religious Ethics. 2007. Vol. 35. No. 1. P. 141–162.
- Strachan H.* Preemption and Prevention in Historical Perspective // Preemption: Military Action and Moral Justification / Ed. by H. Shue, D. Rodin. N. Y.: Oxford University Press, 2007. P. 23–39.
- Uniacke S.* World On Getting One’s Retaliation in First // Preemption: Military Action and Moral Justification / Ed. by H. Shue, D. Rodin. N. Y.: Oxford University Press, 2007. P. 69–88.

Walzer M. Just and Unjust Wars: a Moral Argument with Historical Illustrations. N. Y.: Basic Books, 1977. 288 p.

Walzer M. The Moral Standing of States: A Response to Four Critics // Philosophy and Public Affairs. 1980. Vol. 9. No. 3. P. 209–229.

Walzer M. Terrorism: A Critique of Excuses // *Walzer M.* Arguing about War. New Haven: Yale University Press, 2004. P. 51–66.

Contemporary Transformations of Just War Theory

Leonid Yakushev

Master's Degree Student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. GSP-1, 27–4 Lomonosovsky prospect, Moscow 119991, Russian Federation; e-mail: jaleonid@mail.ru

The paper analyses two central changes occurring in the contemporary Just War Theory: a partial justification of preventive war and an elaboration of principles regulating warfare that involves non-state actors. A substantial contribution to the solution of these problems was made by American ethicists and political philosophers David Luban and Nicholas Fotion. The main goal of this article is to reconstruct the historical, ethical and theoretical context of their researches. The problem of the justification of preventive war has a long history. Medieval theologians (and their successors – neoscholastics) regarded preventive war as obviously unjust. On the contrary, many modern thinkers consider it to be justified because it helps to maintain the world balance of power. By the mid-twentieth century consensus on the impermissibility of preventive war had developed again in political ethics. However, recently some military-technological and political changes have led to its disappearance and the renewal of debates. Luban's conception of "restricted doctrine of preventive war" is a striking example of this process. A similar situation occurs with moral principles regulating conflicts involving non-state actors. The thesis about the impossibility to justify military activity of non-state actors was generally recognized in the just war theory reflecting the realities of the Westphalian international order. The moral grounding of this idea was provided by Samuel von Pufendorf and Emer de Vattel. This approach seems to be over-restrictive as it blocks any effective means to counteract repressive political regimes. At the same time, the application of principles regulating state-versus-state warfare to the civil armed conflicts leads to a number of paradoxical results. The way out proposed by Fotion is this: the "irregular" just war theory, specially designed for state-versus-non-state wars, should rule out the symmetric application of these principles to different sides of such conflicts. Thus, the new normative system allows the warring parties of different types to pursue their goals and at the same time minimizes the use of armed force and its consequences.

Keywords: morality, just war theory, preventive war, preemptive strike, non-state actors, David Luban, Nicholas Fotion

References

Buchanan, A. "Justifying Preventive War", *Preemption: Military Action and Moral Justification*, ed. by H. Shue, D. Rodin. New York: Oxford University Press, 2007, pp. 126–142.

Coppieters, B., Fotion & N., Apresyan, R. (eds.) *Nravstvennye ogranicheniya voyny: Problemy i primery* [Moral Restraints on War: Issues and Examples]. Moscow: Gardarika Publ., 2002. 407 pp. (In Russian)

Crawford, N.C. "The False Promise of Preventive War: The 'New Security Consensus' and a More Insecure World", *Preemption: Military Action and Moral Justification*, ed. by H. Shue, D. Rodin. New York: Oxford University Press, 2007, pp. 89–125.

Dipert, R.R. "Preemptive War and the Epistemological Dimension of the Morality of War", *Journal of Military Ethics*, 2006, vol. 5, no. 1, pp. 32–54.

Fotion, N. "Dve teorii spravedlivoi voiny" [Two Theories of Just War], trans. by O. Artemyeva, present edition, pp. (In Russian)

Grotius, G. *O prave voiny i mira* [On the Law of War and Peace]. Moscow: Ladomir Publ., 1994. 868 pp. (In Russian)

Luban, D. "Preventivnaya voina" [Preventive war], trans. by L. Yakushev, present edition, pp. (In Russian)

O'Driscoll, C. "From Versailles to 9/11: Non-state Actors and Just War in the Twentieth Century", *Ethics, Authority, and War. Non-state Actors and the Just War Tradition*, ed. by B.J. Steele, E.A. Heinze. New York: Palgrave Macmillan, 2009, pp. 21–45.

Prokof'ev, A.V. "Risk i predostorozhnost' v politicheskoi etike" [Risk and Precaution in Political Ethics], *Politiko-filosofskii ezhegodnik*, 2012, vol. 5, pp. 49–68. (In Russian)

Prokof'ev, A.V. "Vybor v pol'zu men'shego zla i problema granits moral'no dopustimogo" [Choosing the Lesser Evil and the Problem of Limits of Moral Possibility], *Eticheskaya mysl'*, 2009, vol. 9, pp. 122–145. (In Russian)

Reichberg, G.M. "Preventive War in Classical Just War", *Theory Journal of the History of International Law*, 2007, vol. 9, no. 1, pp. 5–34.

Rodin, D. "The Problem with Prevention", *Preemption: Military Action and Moral Justification*, ed. by H. Shue, D. Rodin. New York: Oxford University Press, 2007, pp. 143–170.

Shue, H. "What Would a Justified Preventive Military Attack Look Like", *Preemption: Military Action and Moral Justification*, ed. by H. Shue, D. Rodin. New York: Oxford University Press, 2007, pp. 222–246.

Smith, J.W. "Augustine and the Limits of Preemptive and Preventive War", *Journal of Religious Ethics*, 2007, vol. 35, no. 1, pp. 141–162.

Strachan, H. "Preemption and Prevention in Historical Perspective", *Preemption: Military Action and Moral Justification*, ed. by H. Shue, D. Rodin. New York: Oxford University Press, 2007, pp. 23–39.

Uniacke, S. "World On Getting One's Retaliation in First", *Preemption: Military Action and Moral Justification*, ed. by H. Shue, D. Rodin. New York: Oxford University Press, 2007, pp. 69–88.

Vattel, E. de. *Pravo narodov, ili Printsipy estestvennogo prava, primenyaemye k povedeniyu i delam natsii i suverenov* [The Law of Nations: Or, the Principles of Law of Nature, Applied to the Conduct and the Affairs of Nations and Sovereigns]. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1960. 720 pp. (In Russian)

Walzer, M. *Just and Unjust Wars: a Moral Argument with Historical Illustrations*. New York: Basic Books, 1977. 288 pp.

Walzer, M. "The Moral Standing of States: A Response to Four Critics", *Philosophy and Public Affairs*, 1980, vol. 9, no. 3, pp. 209–229.

Walzer, M. "Terrorism: A Critique of Excuses", in: M. Walzer, *Arguing about War*. New Haven: Yale University Press, 2004, pp. 51–66.